

Глава 38. У меня есть острый клинок для отмщения неправедным

— Так... ты хочешь спасти его?

Золотое солнце рухнуло, чёрные тучи сгустились над городом, алые рыбы жу погрузились в тень, рисовые поля поглотила ядовитая мгла, а горожане изнемогали в страданиях... Взмахом рукава Хуай Нинцзюня пронесли сто лет, и город из яркого и красочного превратился в серый и унылый.

Цю Бодэн стоял в глубине времён, полы его одежд развевались.

— Великое страдание, великая скорбь, жизнь и смерть, увядание, — он смотрел, как ядовитая мгла, словно прилив, заливает плодородные поля, загоня людей, как диких зверей, в безвыходное положение. — Спрашивать, хочу ли я спасти... Сказано так, будто я какой-то несравненный герой, который, едва пробудившись, тут же получает ауру спасителя мира. Если я захочу спасти, я смогу?

— Да.

Хуай Нинцзюнь говорил спокойно.

— Ты сможешь.

— Почему?

— Тысячелетиями Золотая ворона и Загадочный заяц год за годом следовали предначертанному пути по лазурному небу. Десять солнц и Тёмная луна пересекались в одной точке. Некто извлёк эту точку и выковал из неё ключ времени — ключ, способный управлять восходом солнца и заходом луны, — Хуай Нинцзюнь стоял, заложив руки за спину. Городские ворота за ним закрылись, и на древних кольцах в виде голов зверей проступила медная ржавчина. — Этот ключ у тебя. Если ты захочешь, ты можешь заставить солнце взойти над городом Жу.

Он пристально смотрел в глаза Цю Бодэна, не упуская ни малейшего изменения в его выражении.

Это было его давнее предположение.

Он подозревал, что, кроме Ста кланов, в этом мире есть ещё один человек, способный управлять движением солнца и луны.

Мог ли этим человеком быть Цю Бодэн?

— Вы ошибаетесь, — вежливо ответил Цю Бодэн. Солнечные лучи сместились ему за спину, и его белые одежды, развевающиеся на ветру, делали его похожим то ли на божество, стоящее в лучах восходящего солнца, то ли на демона, вырывающегося из его огня. — Я хотел спросить, почему я должен спасать этот город?

На лице Хуай Нинцзюня промелькнуло удивление.

Он, казалось, совершенно не ожидал, что Цю Бодэн задаст такой вопрос.

— Почему я должен спасать город, который... — Цю Бодэн медленно добавил, терпеливо объясняя, — ...хочет меня убить?

Золотая ворона с грохотом рухнула, и тьма, словно прилив, захлестнула всё вокруг.

В миг падения солнца Хуай Нинцзюнь выхватил меч. Холодный клинок на фут вышел из ножен, его свет был чист, как снег, а звон подобен крику феникса, ледящему небо и землю. Призрачный образ белого феникса взмыл у него за спиной, расправив крылья длиной в десятки чжанов. Каждое тонкое пёрышко таило в себе надменную мощь.

Половина города озарилась светом, словно днём.

— Похоже, сценарий «встреча старых друзей, обративших друг на друга клинки».

В тот миг, когда Хуай Нинцзюнь выхватил меч, Цю Бодэн призрачной тенью отступил назад. Глубокая трещина, исходящая от места, где стоял Хуай Нинцзюнь, расколола всю улицу и протянулась до самого Цю Бодэна, остановившись меньше чем в цуне от него.

— Иллюзия на тебя не действует.

Сказал Хуай Нинцзюнь.

— Сначала действовала, — Цю Бодэн стоял на границе света и тьмы. — Но тот, кто отмечен чешуёй жизни, сам становится плывущей рыбой. А разве рыба может быть одурманена водой?

Чешуя жизни в уголке его глаза горела алым, словно пламя.

Пламя, сжигающее тьму.

Сначала с земли поднялись бесчисленные рои красных светлячков. Их были миллиарды. Вскоре искры огня, подхваченные ветром, разгорелись и превратились в рыб, плывущих по небу! Они собирались в стаи, как в тот день, когда месяц миазмов окутал поля, и сливались в

радужные потоки, которые гнали прочь тьму! Зажигали её!

Они прорвали строй и собрались за спиной одного человека.

— Так вот оно что, — Хуай Нинцзюнь повернул запястье, крепче сжимая рукоять меча. — С самого первого дня в городе Жу ты знал, что этот город хочет тебя убить.

— Да.

Цю Бодэн ответил без колебаний.

Чжоу Цзыянь кое-что забыл.

А может, и не забыл. Просто тот, кто ступил на ложный путь, уже не видит других дорог.

В тот день, когда Цю Бодэн вошёл в город, стаи рыб жу кружили в небе, лишь для того чтобы отразиться в его зрачках... Это была не угроза, а грандиозное приветствие.

Для Цю Бодэна этот город не таил секретов.

Рыбы жу, принесённые влагой неба и земли, тихо касались его пальцев, держались за полы его одежд, вели его по лабиринтам Ведомства городских оракулов, показывая ему разрушенный чьей-то рукой массив перемещения, тянули его за рукава по улицам и переулкам, донося до его слуха тихий шёпот...

Наконец, они попросили его уйти.

Просили уйти, прежде чем этот город обгадится кровью невинного.

Просили уйти, прежде чем дети совершат непоправимую ошибку.

Когда человек бывает счастлив больше всего?

Когда он ещё ребёнок.

Потому что, что бы ты ни делал, за твоей спиной стоят старшие. Если ты свернёшь на кривую дорожку, они приложат все усилия, чтобы вернуть тебя обратно. Если ты натворишь бед, они сделают всё возможное, чтобы тебя защитить. Все бури и невзгоды мира — пока те, кто за твоей спиной, не пали окончательно, они никогда не позволят тебе брести по терниям в одиночку.

Как те старики из семьи Цю в его прошлой жизни, которые всегда суетились и договаривались повсюду, прежде чем он отправлялся на очередную авантюру, и изо всех сил прикрывали его, когда он ввязывался в неприятности. Как рыбы жу, что уговаривали его уйти.

Те, кто, как тебе казалось, ушли, на самом деле никогда не уходили.

— Раз ты знал, что он хочет тебя убить, — Хуай Нинцзюнь медленно, дюйм за дюймом, вытаскивал меч из ножен, — ты всё равно осмелился одолжить ему свой меч? Не жалеешь, что твоя доброта была предана?

— Он предал меня — это его дело. Я одолжил ему меч — это моё дело.

Цю Бодэн стоял в конце длинной улицы, полы его одежд развевались на ветру.

Белый феникс и стая алых рыб стояли друг против друга. Цю Бодэн и Хуай Нинцзюнь стояли друг против друга.

Во всей вселенной, кроме них, не было никого. За их спинами лежал город Жу, чётко разделённый на две части, словно ведущий к двум совершенно разным судьбам.

— Теперь мне действительно кое-что любопытно, — сказал Цю Бодэн. — Вы хотите убить меня только из-за этого ключа?

— Или чтобы ввергнуть в хаос всю область Цин?

Цю Бодэн понял это, лишь когда увидел, как образ Ши Уло стал призрачным.

В начале «Хроник Богов» Е Цан был обычным учеником школы Тайи. Основной сюжет крутился вокруг того, как он каждые три дня сдавал малые экзамены, а каждые пять — большие, проходя испытание за испытанием, чтобы стать лучшим учеником. Когда он наконец стал первым учеником, разразилась война Двенадцати континентов, и Е Цан по приказу повёл своих людей на поле боя. Силы Е Цана были ничтожны. Для него война вспыхнула внезапно, словно случайность.

Но в войнах не бывает «случайностей».

Прежде чем зазвонят мечи, всегда есть бесчисленные, тщательно подготовленные предпосылки. К тому же, это была не простая стычка между континентами или школами бессмертных, а кровавая бойня, охватившая всю землю... А что, если предпосылкой этой кровавой бойни было то, что происходит сейчас?

Чтобы напасть на племя колдунов на юге, Пустой тутовник попросил у Павильона Гор и Морей

право прохода. Павильон, взвесив все за и против, согласился на просьбу Ста кланов. На фоне этого, если бы он погиб в городе Жу — городе, где путь солнца и луны когда-то был изменён кланом Тайюй из Пустого тутовника, — то, учитывая давнюю вражду между школой Тайи и Ста кланами, его смерть, без сомнения, заставила бы школу Тайи снова пойти против Пустого тутовника.

А племя колдунов, и в особенности один человек...

Наверняка бы окончательно обезумел?

...В то же время, в области Цин погибли молодой господин павильона Долины Медицины и Сын Будды из школы Будды. Что сделали бы Долина Медицины и школа Будды? Не пошли бы они войной на Павильон Гор и Морей, требуя ответа? А Павильон, чей молодой господин также погиб в городе Жу, смог бы он подавить свой гнев и хладнокровно доказать свою невиновность?

Даже если бы в итоге всё уладилось, искра, способная разжечь застарелую вражду, была бы посеяна.

Цю Бодэн впервые осознал, насколько важна его никчёмная жизнь. Наверное, Цзо Юэшэн и остальные, узнав, что повесы тоже могут менять ход истории, были бы потрясены до глубины души.

В будущем сказители могли бы сложить легенду «Смерть повесы в городе Жу, война в области Цин».

Цю Бодэну было очень любопытно, кто придумал такой абсурдный сюжет.

Настолько любопытно, что он был готов войти в эту формацию и лично на него взглянуть.

— Я не хочу тебя убивать. Того, кто хотел, я остановил, — Хуай Нинцзюнь опустил меч. — Сейчас ты мне не противник. Отдай мне ключ, и я уйду.

— О, — небрежно отозвался Цю Бодэн. — Звучит так, будто ты хороший парень. Мне что, ещё и поблагодарить тебя? Жаль, но лицемеров я ненавижу больше, чем настоящих негодяев. Меч уже обнажён, к чему эти притворные речи?

— А кого ты считаешь хорошим?

Хуай Нинцзюнь задал встречный вопрос.

— Школу Тайи? Павильон Гор и Морей? Школа Тайи содержала тебя больше десяти лет, почему они не рассказали тебе правду? Старейшина Цзюнь из Тайи очевидно давно прибыл в

область Цин, почему он не приехал за тобой сам, а послал людей из Павильона Гор и Морей? Городской оракул, который хотел тебя убить, — ученик старейшины Тао. Ты думаешь, Павильон Гор и Морей действительно ничего не знал, или они тоже хотели использовать это, чтобы проверить тебя?

— Звучит так, будто я какой-то непревзойдённый злодей, где бы я ни появился, там льётся кровь, — оценил Цю Бодэн. — Неплохо, довольно круто.

— Я знаю, ты подозреваешь меня, — Хуай Нинцзюнь усмехнулся. — Но ты не задумывался вот о чём?

— От города Фу до города Жу, каждый твой шаг был словно кем-то тщательно спланирован. Тебе показывали красоту и трагедию, заставляли спасать растения и созерцать фейерверки, преподносили тебе великолепие, а затем рвали его на куски. А потом говорили, что у тех, кто хочет тебя убить, кто вредит тебе, кто спасает тебя, кто любит тебя, — у всех есть веские причины.

— Не находишь это смешным? — тихо спросил Хуай Нинцзюнь. — Зачем так старательно всё скрывать, так усердно вести тебя по пути спасения мира?

Меч Тайи, который хотел изгнать зло, но так и не решился нанести удар.

Древнее дерево, сгорающее в небесном огне.

Рыбы жу, плывущие во тьме.

...

Лицо Цю Бодэна оставалось непроницаемым.

Белый феникс стоял неподвижно.

Взгляд Хуай Нинцзюня, казалось, проникал сквозь толщу времени, наблюдая, как одна за другой начинаются и заканчиваются пьесы. Он солгал в одном... он принёс с собой серебряную глину и красную мастику. Слишком долгое созерцание театра порой рождает странные чувства к его персонажам.

«Если захочешь, я могу увести тебя отсюда».

Он ждал ответа Цю Бодэна.

— Что за чушь.

Цю Бодэн холодно рассмеялся.

— Я спас город Фу, потому что мне так захотелось. Я одолжил меч, потому что был в хорошем настроении. Я вошёл в эту формацию, потому что хотел посмотреть, какой ублюдок осмелился играть мной, как пешкой. Ты действительно думаешь, что, упомянув судьбу простых людей, жизни многих, сможешь указывать мне?

— Слишком много о себе думаешь.

Мириады живых существ, их страдания.

Сколько в мире непостоянства, сколько безысходности — меня это не волнует.

Я захотел — я сделал.

— Я делаю то, что делаю... — Цю Бодэн поднял глаза. — Потому что мне так нравится!

Он резко раскинул руки, и алые рыбы жу, словно поток лавы, хлынули из-за его спины, без страха устремляясь навстречу ревущему божественному фениксу. Одна рыба жу — лишь искорка, но миллиарды рыб, собравшись вместе, способны зажечь небо и землю!

— Тайи!

Двенадцать медных цепей одновременно лопнули.

Меч Тайи вырвался из шкатулки!

Цю Бодэн протянул руку, выхватил меч из огненного потока и, промчавшись по длинной улице, оставил за собой острый, как бритва, след света. Он запел, и его дерзкий голос перекрыл даже сотрясающий небеса крик белого феникса. Весь мир наполнился яростным ветром, и в этом ветре звучала лишь его дерзость, его непокорность, его безрассудство.

— Есть у меня золота несметные тысячи.

Алый цвет взметнулся с подола одежд Цю Бодэна, и в мгновение ока белые одежды стали огненными.

— Есть у меня острый клинок...

Он подпрыгнул.

— Для отмщения неправедным!

<http://bllate.org/book/16967/1589153>